

Джен, которая сделала это возможным

БЛАГОДАРНОСТИ

Этот роман не родился бы без помощи множества людей.

Я хотел бы поблагодарить моих редакторов, Шелли Шапиро и Сью Ростони, за то, что дали мне шанс и не махнули рукой, пока я дорабатывал и переписывал текст. Я содрогаюсь при мысли о том, что могло бы получиться в итоге, если бы не их ценные замечания и идеи. Всякий, кто читал комиксную серию «Джедаи против ситхов», поймет, что как писатель я в долгу перед издательством Dark Horse Comics, но я бы хотел также отметить вклад своих друзей и коллег из BioWare. Фундамент, на котором покоится этот роман, во многом эволюционировал из материалов, созданных нами вместе во время работы над «Рыцарями Старой Республики», в первую очередь это касается Дейва Гейдера, Люка Кристьянсона, Питера Томаса и Джеймса Олена.

Спасибо за все, ребята.

Дрю

ХРОНОЛОГИЯ «ЗВЁЗДНЫХ ВОЙН»

ДО РЕСПУБЛИКИ

37000 — 25000 ЛЕТ ДО СОБЫТИЙ
ФИЛЬМА «ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ —
ЭПИЗОД IV: НОВАЯ НАДЕЖДА»

ок. 25793 ГОДА ДО СОБЫТИЙ ФИЛЬМА
«ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ — ЭПИЗОД IV:
НОВАЯ НАДЕЖДА»

«Заря джедаев. В бесконечность»

СТАРАЯ РЕСПУБЛИКА

5000 — 67 ЛЕТ ДО СОБЫТИЙ
ФИЛЬМА «ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ —
ЭПИЗОД IV: НОВАЯ НАДЕЖДА»

«Затерянное племя ситхов»

«На краю»
«Дети Небес»
«Соперники»
«Спаситель»
«Чистилище»
«Страж»

«Старая Республика»

«Роковой альянс»
«Обманутые»
«Реван»
«Уничтожение»
«Тени Империи»

3954 ГОДА ДО СОБЫТИЙ ФИЛЬМА
«ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ — ЭПИЗОД IV:
НОВАЯ НАДЕЖДА»

«Затерянное племя ситхов»

«Пантеон»
«Тайны»

2975 ЛЕТ ДО СОБЫТИЙ ФИЛЬМА
«ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ — ЭПИЗОД IV:
НОВАЯ НАДЕЖДА»

«Затерянное племя ситхов»

«Пандемониум»

1032 ГОДА ДО СОБЫТИЙ ФИЛЬМА
«ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ — ЭПИЗОД IV:
НОВАЯ НАДЕЖДА»

«Дарт Бейн: Путь разрушения»
«Дарт Бейн: Правило двух»
«Дарт Бейн: Династия зла»

ВОСХОД ИМПЕРИИ

67 — 0 ЛЕТ ДО СОБЫТИЙ
ФИЛЬМА «ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ —
ЭПИЗОД IV: НОВАЯ НАДЕЖДА»

67 ЛЕТ ДО СОБЫТИЙ ФИЛЬМА
«ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ — ЭПИЗОД IV:
НОВАЯ НАДЕЖДА»

«Дарт Плэгас»

33 ГОДА ДО СОБЫТИЙ ФИЛЬМА
«ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ — ЭПИЗОД IV:
НОВАЯ НАДЕЖДА»

«Дарт Мол: Взперти»
«Под покровом лжи»
«Темный повелитель: Восход Дарта
Вейдера»

32 ГОДА ДО СОБЫТИЙ ФИЛЬМА
«ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ — ЭПИЗОД IV:
НОВАЯ НАДЕЖДА»

«Звёздные Войны — эпизод I:
Скрытая угроза»

22 ГОДА ДО СОБЫТИЙ ФИЛЬМА
«ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ — ЭПИЗОД IV:
НОВАЯ НАДЕЖДА»

«Звёздные Войны — эпизод II:
Атака клонов»

ХРОНОЛОГИЯ «ЗВЁЗДНЫХ ВОЙН»

19 ЛЕТ ДО СОБЫТИЙ ФИЛЬМА
«ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ — ЭПИЗОД IV:
НОВАЯ НАДЕЖДА»

«Уязвимая точка»

**«Звёздные Войны — эпизод III:
Месть ситхов»**

«Кеноби»
«Повелители ситхов»
«Таркин»
«Новый рассвет»
«Катализатор»

«Изгой-один»

10 ЛЕТ ДО СОБЫТИЙ ФИЛЬМА
«ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ — ЭПИЗОД IV:
НОВАЯ НАДЕЖДА»

Трилогия о Хане Соло

«Западня в раю»
«Гамбит хаттов»
«Заря восстания»

«Штурмовики смерти»

ВОССТАНИЕ

0 — 5 ЛЕТ ПОСЛЕ СОБЫТИЙ
ФИЛЬМА «ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ —
ЭПИЗОД IV: НОВАЯ НАДЕЖДА»

**«Звёздные Войны — эпизод IV:
Новая надежда»**

«Негодяи»
«Честь негодяев»
«Дело чести»
«Потерянные звезды»
«Игра вслепую»

3 ГОДА ПОСЛЕ СОБЫТИЙ ФИЛЬМА
«ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ — ЭПИЗОД IV:
НОВАЯ НАДЕЖДА»

**«Звёздные Войны — эпизод V:
Империя наносит ответный удар»**

4 ГОДА ПОСЛЕ СОБЫТИЙ ФИЛЬМА
«ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ — ЭПИЗОД IV:
НОВАЯ НАДЕЖДА»

**«Звёздные Войны — эпизод VI:
Возвращение джедая»**

«Последствия»
«Последствия: Долг жизни»
«Последствия: Конец Империи»

НОВАЯ РЕСПУБЛИКА

5 — 25 ЛЕТ ПОСЛЕ СОБЫТИЙ
ФИЛЬМА «ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ —
ЭПИЗОД IV: НОВАЯ НАДЕЖДА»

Трилогия о Трауне

«Наследник Империи»
«Возрождение тьмы»
«Последний приказ»

НОВЫЙ ОРДЕН ДЖЕДАЕВ

25 — 40 ЛЕТ ПОСЛЕ СОБЫТИЙ
ФИЛЬМА «ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ —
ЭПИЗОД IV: НОВАЯ НАДЕЖДА»

**«Звёздные Войны — эпизод VII:
Пробуждение Силы»**

Давным-давно в далекой Галактике....

ПРОЛОГ

В последние дни Старой Республики было всего двое ситхов — последователей темной стороны Силы и старинных врагов Ордена джедаев. Один учитель и один ученик. Но так было не всегда. За тысячу лет до падения Республики и прихода к власти Императора Палпатина ситхов насчитывались легионы...¹

Повелитель Каан, владыка ситхов и основатель Братства Тьмы, шагал по кровавому полю битвы, бросая длинную тень во мрак ночи. Тысячи солдат Республики и почти сотня джедаев отдали свои жизни, защищая планету от его армии — как оказалось, тщетно. Каан наслаждался их муками и отчаянием; эти эмоции до сих пор витали в воздухе, словно смрад разлагающихся трупов, которые усеивали долину.

Издали надвигалась буря. Каждый раз, когда небо озаряла молния, где-то там проступал великий храм ситхов, чей суровый силуэт возвышался над унылым горизонтом.

---

¹ О гибели Ордена ситхов и учреждении Правила Двух Джордж Лукас поведал писателю Терри Бруксу, который включил ее в свою новеллизацию фильма «Эпизод I: Скрытая угроза». Эта легенда затем была дополнена в других произведениях, от которых и отталкивается история, рассказанная в настоящей книге Дрю Карпишином. (*Здесь и далее — примеч. перев.*)

Посреди побоища стояли двое: человек и тви'лек. Даже в темноте Каан узнал их сразу: это были Кордис и Копеж, владыки ситхов из числа самых могущественных. Некогда заклятые соперники, сейчас они оба были в Братстве. Улыбаясь, Каан поспешил к ним.

Кордис — высокий и худой, как скелет, — улыбнулся в ответ:

— Это великая победа, повелитель Каан. Слишком уж долго у ситхов не было академии на Коррибане.

— Чувствую, тебе не терпится обучать новое поколение, — молвил предводитель Братства. — Я рассчитываю, что в ближайшие годы ты подготовишь для меня множество сильных и верных адептов и мастеров.

— Для тебя? — с нажимом перепросил Копеж. — Ты хотел сказать: «подготовишь для нас»? Мы Братство или как?

Ответом ему был беззаботный смех:

— Ну само собой, Копеж. Я просто оговорился.

— Копежа наш триумф не радует, — отметил Кордис. — Он всю ночь дуется.

Каан положил ладонь на плечо тучного тви'лека.

— Для нас это великая победа, — провозгласил он. — Коррибан — не просто планета, это символ. Прародина ситхов. Нынешняя победа послужит сигналом для Республики и джедаев. Они будут знать силу Братства и бояться его.

Копеж стряхнул руку Каана и отвернулся. Концы его длинных локтей, обернутых вокруг шеи, сердито дернулись.

— Празднуйте, сколько влезет, — бросил он, уходя. — Настоящая война только начинается.

Три года спустя

1

Дессел был до того поглощен изнурительной работой, что почти не замечал ничего вокруг. Руки его гудели от непрерывной вибрации отбойного молотка. Кусочки породы, отлетавшие от стены забоя, рикошетили от защитных очков, впиваясь в обнаженные ладони и лицо. Мельчайшая пыль тучами вздымалась в воздух, мешая видеть, а пронзительный вой молотка заглушал все звуки. Мучительно, сантиметр за сантиметром Дессел вгрызался в массивную жилу кортозиса, залегающую в скале.

Кортозис — жаропрочный и стойкий к высоким энергиям материал — был нужен для производства брони и щитов. Спрос на него был высок как у предпринимателей, так и у военных, — тем более что война в Галактике не утихала. Кортозисные сплавы хорошо защищали от бластерных разрядов — теоретически они выдерживали даже удар светового меча. Увы, из-за тех самых свойств, благодаря которым минерал так ценился, добывать его было невероятно трудно. Плазменные резаки здесь мало помогали: чтобы выжечь даже маленькую часть насыщенной кортозисом скалы, требовалось несколько дней. Единственным эффективным средством была грубая сила гидравлических отбойных молотков, которые безудержно долбили жилу, откалывая кусочек за кусочком.

Кортозис был одним из самых твердых материалов в Галактике. От непрерывных ударов головка молотка быстро изнашивалась и затуплялась, становясь практически бесполезной. Пыль забивала поршни, заклинивая их. Кортозис убивал инструмент... но еще вернее он убивал горняков.

Дес долбил жилу почти шесть стандартных часов. Молоток весил более тридцати кило, держать эту махину вертикально и прижимать к скале становилось все тяжелее. Руки добытчика дрожали от напряжения, легкие судорожно втягивали воздух. Он задыхался в клубах мелкой минеральной пыли, которая вздымалась вокруг головки отбойника. Даже зубы и те болели: казалось, от вибрации они скоро повыпадают.

Но шахтерам на Апатросе платили по объемам добычи. Если закончить сейчас, явится другой горняк, продолжит разрабатывать жилу и заберет себе часть его дневной выручки. Дес не любил делиться.

Визг отбойника сделался выше, перейдя в жалобный вой, хорошо знакомый Десу. На двадцати тысячах оборотов в минуту мотор всасывал пыль, как банта воду после долгого перехода через пустыню. Единственным средством против этого была регулярная чистка и смазка, но «Рудодобыча Внешнего Кольца» предпочитала покупать дешевый инструмент и попросту менять его, чем вкладывать средства в техобслуживание. Дес прекрасно знал, что случится дальше. Секунду спустя мотор взорвался.

Гидравлику заело с жутким хрустом, и из-под кожуха молотка повалил черный дым. Проклиная «РВК» и ее корпоративную политику, Дес убрал затекший палец с кнопки и швырнул издохший инструмент на пол.

— Подвинься, малой, — произнес знакомый голос.

Этого горняка звали Герд. Он подошел ближе и попытался оттолкнуть Деса, чтобы заняться жилой самому.

Герд проработал на шахтах почти двадцать стандартных лет, и его тело превратилось в гору бугристых мышц. Но Дес и сам вкалывал с самого отрочества — уже долгих десять лет, — а потому был столь же силен... и при этом немного более массивен. Он даже не шелохнулся.

— Я еще не закончил, — заявил Дес. — Молоток сдох, всего-то. Дай мне свой, я еще поработаю.

— Ты знаешь правила, малой. Кто перестал работать, освобождает место.

Формально Герд был прав. Но никто никогда не пытался отобрать чужой участок из-за поломки инструмента. Если только не нарывался на драку.

Дес быстро огляделся. Их с Гердом разделяли каких-то полметра, и больше в забое никого не было. Неудивительно, Дес обычно выбирал пещеры, лежавшие в стороне от главных туннелей. То, что здесь оказался Герд, едва ли было случайностью.

Дес знал Герда, сколько себя помнил. Тот был средних лет и дружил с Херстом, его отцом. Дес начал работать в тринадцать лет, и старшие обходились с ним на редкость жестоко. Больше всего доставалось от отца, но одним из главных подстрекателей был Герд, который особенно рьяно цеплялся к парню, нередко награждая его затрещинами.

Эти нападки прекратились вскоре после того, как отец Деса умер от обширного инфаркта. Но не потому, что работягам вдруг стало жалко сиротку. К тому времени, когда Херст превратился, длинный и тощий подросток, над которым они любили поиздеваться, превратился в гору мышц с тяжелыми кулаками и вспыльчивым характером. Труд горняка был не для слабых, почти как исправительные работы в республиканских колониях. Всякий, кто вкалывал на Апатросе, волей-неволей становился

здоровьяком — и так уж вышло, что Дес вырос самым здоровым из всех. Полдюжата синяков, несколько расквашенных носов и одна сломанная челюсть за месяц — вот что убедило дружков Херста оставить Деса в покое.

Но все равно они, казалось, винули его в смерти отца, и каждые несколько месяцев кто-нибудь пробовал снова. Герду всегда хватало ума держаться подальше — но не сегодня.

— Что-то я не вижу твоих приятелей, старик, — проворчал Дес. — Вали с моего участка, и никто не пострадает.

Герд сплюнул ему под ноги:

— Ты даже не помнишь, какой сегодня день, а, парень? Позорище!

Они стояли так близко друг к другу, что Дес почувствовал в дыхании Герда кислый перегар кореллианского виски. Горняк был пьян. Достаточно пьян, чтобы лезть в драку, но в то же время не настолько, чтобы позволить сделать из себя котлету.

— Пять лет назад. — Герд грустно покачал головой. — Пять лет назад почил твой отец, а ты даже не вспомнил!

Об отце Дес уже и думать забыл. Когда тот скончался, он не сильно и горевал. Самые ранние его воспоминания о родителе были связаны с побоями. Он даже не помнил, за что его тогда колотили — Херст редко нуждался в причинах.

— Едва ли я скучаю по Херсту так же, как ты, Герд.

— По Херсту? — фыркнул тот. — Он воспитывал тебя один после смерти матери, и ты настолько его не уважаешь, что даже папой не зовешь? Неблагодарный сын катской суки!

Дес угрожающе зыркнул, но Герд был слишком исполнен праведного гнева и алкоголя, чтобы испугаться.

— Чего еще ждать от такого ушлепка, — продолжал шахтер. — Херст всегда говорил: толку с тебя нет. Он знал, что ты какой-то ненормальный... Бейн.

Дес прищурил глаза, но на провокацию не поддался. Херст называл его так, когда бывал пьян. *Бейн*. Погибель. Папаша винил его в смерти жены. Винил в том, что он застрелял на гнусном Апатросе. Считал своего единственного ребенка ядом, отравлявшим ему жизнь, о чем не уставал напоминать Десу в пьяном угаре.

Бейн. Это слово воплощало в себе всю злобу, мелочность и жестокость отца. Оно пробуждало самые потаенные страхи, присущие любому ребенку: боязнь разочаровать, боязнь, что его бросят, боязнь насилия. В детстве это имя причиняло больше страданий, чем все отцовские оплеухи. Но Дес давно не был ребенком. Со временем он научился не обращать внимания на это прозвище, как и на остальные проклятия, которые изрыгал Херст.

— Некогда мне, — пробурчал Дес. — Надо работать.

Одной рукой он выхватил у Герда отбойный молоток, второй оттолкнул подвыпившего горняка от себя. Тот отпрянул, споткнулся о камень и полетел на землю.

Зарывав, он поднялся и стиснул кулаки:

— Ты слишком долго жил без папаша, мальчишка. Пора выбить из тебя дурь!

Герд хоть и пьян, но не дурак, сообразил Дес. Сам он был крупнее, сильнее, моложе... но шесть часов долбил скалу отбойным молотком. Он был весь в грязи, по лицу струился пот, рубашка промокла насквозь. Спецовка же Герда оставалась относительно чистой: ни пыли, ни пятен. Должно быть, он спланировал все заранее и днем сильно не напрягался, ожидая, когда Дес вымотается.

Но отступать молодой шахтер не собирался. Бросив молоток Герда на землю, он принял стойку, широко расставив ноги и держа руки перед собой.

Герд яростно атаковал, попытавшись нанести апперкот правой. Дес выставил навстречу левую руку и перехватил кулак, поглотив силу удара. Выбросив другую руку, он схватил Герда снизу за запястье, потянул на себя, поднырнул и с разворота ударил в грудь плечом. Используя энергию противника против него самого, Дес выпрямился и сильно дернул Герда за руку, перекинув его через себя — спиной на землю.

На этом бой бы и закончился: у Деса была доля секунды, чтобы врезать коленом Герду в грудь, вышибив воздух из легких, и начать обрабатывать кулаками. Но не сложилось. Мышцы спины, изнуренные часами работы и тридцатикилограммовым молотком, который он держал на весу, свело судорогой.

Боль была адская, и Дес инстинктивно выпрямился и схватился за поясницу. Герд же откатился в сторону и вскочил на ноги.

Молодой горняк кое-как вернулся в боевую стойку. Мускулы протестующе взвыли, — казалось, будто все тело пронзили раскаленные кинжалы. Герд увидел его гримасу и расхохотался:

— Что, парень, спинка бо-бо? Надо было думать, прежде чем лезть в драку после смены.

Он снова бросился на Деса — на этот раз не с кулаками, а с растопыренными пальцами. Попытался за что-нибудь ухватиться, чтобы перейти в ближний бой и свести на нет преимущество молодого соперника в росте и длине рук. Дес хотел отшагнуть, но измученные ноги будто одеревенели. Одной рукой Герд схватил его за рубашку, другой — за ремень. Оба повалились на землю.

Сцепившись, они боролись на твердом неровном каменном полу забоя. Защищая голову, Герд зарылся лицом в рубашку Деса, так что тот не мог врезать ему ни кула-

ком, ни лбом. Он по-прежнему держал противника за ремень, но рубашку отпустил и свободной рукой слепо молотил туда, где, как он думал, было лицо Деса. Юноше пришлось схватить его за руки, так что ни тот ни другой не мог нанести удар.

Поскольку руки у обоих были обездвижены, стратегия и мастерство мало что значили. Драка вылилась в испытание силы и выносливости, где оба бойца медленно изматывали друг друга. Дес попытался опрокинуть Герда на спину, но усталое тело подвело его. Руки и ноги отяжелели, мускулы были словно ватные, и ему никак не удавалось найти точку опоры. Зато Герд мог изворачиваться в свое удовольствие, да еще и руку высвободил. Лицо он по-прежнему прижимал к груди Деса, закрывая от ударов.

Положение юноши было не столь завидным... его лицо было открыто и уязвимо для атак. Герд выбросил свободную руку, но ударил не кулаком. Его большой палец впился в щеку Деса, разминувшись с целью на считанные сантиметры. Горняк ударил снова, рассчитывая выбить противнику глаз, ослепить, заставить извиваться от боли.

Только секунду спустя Дес осознал, что происходит: его утомленный разум сделался таким же неповоротливым, как и тело. Он успел отвернуться ровно за секунду до того, как удар попал в цель, и палец больно вонзился в хрящ его уха.

Деса захлестнула темная ярость — огненная вспышка ненависти, которая выжгла всю усталость. Внезапно разум прояснился, тело как будто обрело новые силы. Он понял, что делать. А главное — с абсолютной уверенностью знал, что сделает Герд.

Дес не мог объяснить откуда; иногда он просто предчувствовал чужие поступки. Инстинкт, сказал бы кто-то. Сам Дес был уверен, что это нечто большее. Предчувствия

были слишком явными, слишком подробными, чтобы их можно было объяснить простым инстинктом. Они, скорее, напоминали видения, проблески будущего. И всякий раз он точно знал, что предпринять, как будто что-то его направляло.

Когда Герд ударил снова, Дес был более чем готов. Он видел удар в своем сознании, знал, когда он будет нанесен и в какое место. Он подставил лицо, открыл рот — и в точно выверенный момент с силой сомкнул челюсти, которые глубоко вонзились в палец противника.

Герд завопил, а молодой шахтер стиснул зубы еще крепче, чувствуя, как они перегрызают сухожилия и вонзаются в кость. «Интересно, можно ли прокусить насквозь», — подумал он и в следующий миг — как будто одной силой мысли — оттяпал палец начисто.

Вопли перешли в пронзительный вой. Герд отпустил ремень и откатился в сторону, сжимая здоровой рукой покалеченную. Он пытался пальцами остановить алую кровь, которая хлестала из обрубка.

Дес медленно поднялся и выплюнул палец на землю. Во рту остался привкус горячей крови. Он чувствовал себя свежим, отдохнувшим, как будто в его жилы влили новую неведомую энергию. Противник же потерял всякую волю к борьбе, и теперь Дес мог делать с ним все что угодно.

Герд катался по полу, прижимая руку к груди. Он стонал и всхлипывал, умолял сжалиться, просил о помощи.

Дес с отвращением покачал головой. Герд сам был виноват. Все начиналось с обыкновенной кулачной драки, и проигравший вполне мог бы отделаться фингалом и несколькими синяками. Но противник поднял ставки, попытавшись выбить ему глаз. Дес давным-давно понял: не стоит обострять конфликт, если не готов заплатить цену поражения. Теперь Герд тоже усвоил этот урок.

Дес легко выходил из себя, но добивать беспомощного противника было не в его правилах. Не оглядываясь на побежденного, он зашагал прочь из забоя по туннелю, чтобы рассказать о случившемся бригадиру: пусть пошлет кого-нибудь заняться раной Герда.

О последствиях он не тревожился. Медики пришьют палец обратно, так что в худшем случае Деса оштрафуют на одну-две дневные зарплаты. Корпорацию не особо заботили разборки между рабочими, лишь бы те выходили добывать кортозис. Драки между шахтерами случались частенько, и почти всегда «РВК» закрывала на них глаза, хотя сегодняшний бой был более ожесточенным, чем другие, — свирепым и коротким, с кровавым концом.

Совсем как жизнь на Апатросе.

2

Дес развалился на заднем сиденье автобуса, перевозившего шахтеров между единственной колонией Апатроса и рудниками. Он был совершенно измучен. Сейчас ему хотелось одного — добраться до барака, завалиться на койку и заснуть. Адреналин улетучился, и теперь он, как никогда, чувствовал, насколько затекли и ноют мышцы. Бессильно откинувшись на спинку, Дес тупо глядел в салон.

Обычно в машину набивались еще двадцать шахтеров, но сейчас здесь никого не было, кроме них с водителем. Узнав о драке с Гердом, бригадир немедленно отстранил Деса от работы без сохранения зарплаты и приказал отвезти его в колонию.

— Это уже не смешно, Дес, — хмуро заявил бригадир. — Придется тебя наказать, чтобы другим неповадно было. Тебе запрещается работать в шахте, пока Герд не вылечится.

Что, в сущности, означало: «Ты не заработаешь ни кредита, пока Герд не вернется в строй». За проживание и питание, конечно, придется платить все равно. За каждый день простоя расходы будут записываться на его счет, увеличивая долг, который он изо всех сил старался выплатить.

По прикидкам Деса, Герд имел шанс взять в руки отбойный молоток дней через пять. Дежурный медик прилепил ему палец с помощью виброскальпеля и синтплоти. Несколько дней на инъекциях колто и каких-нибудь дешевых обезболивающих — и будет как новенький. Бактотерапия поставила бы его на ноги за день, но бакта стоила дорого, и «РВК» вряд ли станет на нее раскошиться, если у Герда нет страховки — а Дес в ее наличии сильно сомневался.

Шахтеры не желали иметь дела с корпоративной программой страхования. Во-первых, она стоила дорого. Учитывая проживание, питание и плату за перевозку до рудников и обратно, большинство работяг считали, что они и так отдают «РВК» более чем достаточную долю своих кровных. Покупать еще и страховку — это перебор.

Но дело было не только в деньгах. Казалось, что горняки, работавшие на кортозисных шахтах, умышленно закрывали глаза на потенциальные опасности, подстергавшие их каждый день. Покупка страховки заставила бы их взглянуть в лицо жестоким фактам.

Мало кто из шахтеров доживал до старости. Туннели отнимали много жизней: кого-то погребало заживо под обвалами, другие сгорали, наткнувшись на скопление взрывоопасного газа. Даже те, кто отпахал свое, после ухода на покой долго не жили. Работа на шахтах не проходила бесследно. Шестидесятилетние горняки выглядели на все девяносто: десятилетия тяжелого физического труда и воздействия загрязнителей воздуха, проникающих сквозь низкокачественные фильтры «РВК», превращали их в ходячие трупы.

После смерти отца — чья жизнь, естественно, не была застрахована — Десу в наследство остались одни долги. Херст больше пил и играл, чем работал. Чтобы оплачивать

ежемесячные счета за проживание и питание, он частенько занимал деньги у «РВК» под проценты, которые бы считались грабительскими всюду, кроме Внешнего Кольца. Долг рос месяц за месяцем, год за годом, но Херсту было плевать. У него ничего в жизни не было, кроме любимого сына и ненавистой тяжелой работы, от которой он не мог избавиться. Всякую надежду когда-нибудь покинуть Апатрос он оставил давным-давно — задолго до сердечного приступа, который унес его в могилу.

Хаттово отродье наверняка бы порадовалось, узнав, что теперь его счет держит на привязи и сына.

Транспорт мчался над бесплодными каменистыми равнинами планетоида. Было тихо, только слышался непрерывный гул моторов. Унылые пустоши сливались в одно бесцветное пятно, так что вскоре начало казаться, что за окном нет ничего, кроме бесформенной серости. Это гипнотизировало: Дес чувствовал, как его усталый разум соскальзывает в глубокий сон без сновидений.

Вот так-то они и ловили горняков на крючок. Заставляли работать до изнеможения, притупляя чувства, превращая работягу в покорное быдло... пока тот не смирялся со своей участью, с тем, что остаток жизни ему суждено провести в пыли и грязи кортозисных рудников, трудясь без прорыва на «Рудодобычу Внешнего Кольца». Это была на удивление действенная ловушка: люди вроде Герда и Херста в нее попались. Но Дес следовать их примеру не собирался.

Несмотря на неподъемный отцовский долг, Дес знал, что когда-нибудь он расплатится с «РВК» и простится с прошлой жизнью. Он был рожден для великих свершений, а не для жалкого, убогого существования. Он знал это с абсолютной уверенностью, и это знание придавало ему сил, чтобы продолжать бесконечный и, казалось,

безнадежный труд. Сил, чтобы бороться, даже когда внутренний голос нашептывал, что все бесполезно.

Его отстранили от работы на шахте, но существовали другие способы добыть деньги. С непомерным трудом Дес заставил себя встать с кресла. Пол качался у него под ногами: компьютер непрерывно корректировал полет, пилотируя аэроавтобус на запрограммированной высоте в полметра над землей. Дес выждал секунду, чтобы приноровиться к ритму качки, потом поплелся по проходу в сторону кабины, где сидел водитель. Парень был ему незнаком, но все они выглядели одинаково: хмурые, неулыбчивые, с пустыми глазами и таким выражением лица, будто голова сейчас лопнет от боли.

— Эй, — как можно более непринужденно сказал Дес. — Корабли сегодня садились в космопорту?

Водителя не волновала дорожная обстановка. Сорокаминутный маршрут между шахтами и колонией пролегал по голой равнине и был прямым как палка; некоторые водители умудрялись даже подремать в пути. Однако сегодняшний даже головы не повернул.

— Пару часов назад сел грузовоз, — равнодушно отозвался он. — Военный. Из Республики.

Дес улыбнулся:

— И что, надолго они?

Пилот не удостоил его ответом, только фыркнул и покачал головой, дивясь глупому вопросу. Шахтер кивнул и побрел обратно к своему сиденью. Он тоже знал ответ.

Кортозис применяли для изготовления корпусов самых разных кораблей, от истребителей до крейсеров и линкоров. Его волокна вплетали и в броню солдат. Война с ситхами продолжалась, и потребности Республики постоянно росли. Каждые несколько недель на Апатрос прибывал республиканский грузовой корабль и на следующий день улетал, набив трюмы ценным минералом.

Но до отправки его команде — как офицерам, так и рядовым — делать было совершенно нечего, только сидеть и ждать. По опыту Дес знал, что республиканские вояки, когда выдавалась свободная минутка, любили играть в карты. А там, где играют в карты, можно разжиться деньгами.

Опустившись на свое сиденье, Дес решил: пожалуй, отправляться на боковую еще рано.

К тому времени, когда транспорт остановился на окраине колонии, Дес прямо дрожал от предвкушения. Он выпрыгнул из автобуса и лениво побрел в сторону бараков, еле сдерживаясь, чтобы не перейти на бег. Он живо представлял себе, как в эту минуту солдаты сидят со своими кредитами за игровыми столами в единственной кантине колонии.

Впрочем, гнаться не имело смысла. Был ранний вечер, и солнце только-только садилось за горизонт. Большинство рабочих из ночной смены уже проснулись. Многие из них сейчас торчали в питейном заведении, коротая время в ожидании своего рейса. Дес знал, что в ближайшие пару часов ему крупно повезет, если он хотя бы найдет, где пристроить задницу, не говоря уже о месте за столом для игры в пазаак или сабакк. А до того времени, когда рабочие дневной смены погрузятся в аэроавтобусы и поедут домой, оставалось еще несколько часов; он успеет засесть в кантине задолго до их появления.

Вернувшись в свой барак, юноша сбросил грязную спецовку и залез в пустую душевую, где тщательно смыл с себя пот и минеральную пыль. Затем переоделся в чистое, вышел на улицу и неторопливо пошел к кантине, которая располагалась на другом конце города.

Кантина не имела названия, да оно и не требовалось. Не было еще случая, чтобы кто-то не смог ее найти. Апатрос был маленьким мирком, немногим больше какой-

нибудь луны с атмосферой и собственной растительностью. Достопримечательностей на планетоиде имелось много: шахты да колония, разделенные унылыми пустошами. Шахты представляли собой обширный лабиринт выработок и туннелей, которые проложила «РВК», а также перерабатывающие и очистительные заводы корпорации.

Здесь же располагался и космопорт. Каждый день из него отчаливали фрахтовки с грузом кортозиса для богатых планет, расположенных ближе к Корусанту и галактическому ядру. Раз в два дня сюда же прибывали корабли с оборудованием и припасами, необходимыми для функционирования шахт. Сотрудники компании, которым не хватало физической силы для добычи кортозиса, работали на очистительных заводах или в космопорту. Платили им меньше, но и жили они дольше.

Впрочем, независимо от того, кто где работал, после смены все возвращались в одно и то же место, которое звали домом. Колония являла собой ветхий поселок из бараков, воздвигнутых компанией для нескольких сотен рабочих, которые должны были обслуживать рудники. Как и сам планетоид, колония официально носила название Апатрос, но обитатели обычно именовали ее «Шлаковые хаты». Все домики были цвета грязно-серой дюраласти, стены — обветшалые и изъеденные ветрами. Внутри строения выглядели практически одинаково: временные бараки для рабочих, давно превратившиеся в постоянные. В каждом было по четыре комнатухи на двоих, хотя частенько их занимали трое обитателей или больше. Бывало, в одной комнате жили целые семьи, если не могли наскрести денег на заоблачную арендную плату, которую «РВК» брала за дополнительную площадь. В каждой комнате имелись койки, встроенные в стены. Единственная дверь выводила в коридор, в конце которого находились

общие уборная и душевая. Двери скрипели на разболтанных петлях, которые никто никогда не смазывал. Крыши были в заплатах, потому что всегда протекали, когда шел дождь. Разбитые окна скрепляли липкой лентой, чтобы защитить комнату от ветра и холода, но никогда не меняли. На всем лежал тонкий слой пыли, но жильцы даже не думали ее вытирать.

Вся колония занимала менее квадратного километра, так что добраться от одного здания до другого можно было менее чем за двадцать минут. Несмотря на сплошное однообразие архитектуры, заблудиться здесь было сложно. Бараки стояли ровными рядами, образуя аккуратную сетку улиц, вдоль которых на одинаковом расстоянии друг от друга размещались жилые строения. Улицы трудно было назвать чистыми, но и в отбросах они не утопали. «РВК», хоть и не слишком часто, убирала мусор и отходы, чтобы не разводить антисанитарию: вызванная грязью эпидемия отрицательно сказалась бы на объемах добычи. Впрочем, в компании как будто не имели ничего против груд железного хлама, которые неизбежно накапливались в городе. Повсюду на узких улочках между бараками валялись сломанные генераторы, ржавые механизмы, изъеденные коррозией куски металла и выброшенные, отработавшие свое инструменты.

В городе было всего две постройки, которые как-то выделялись на фоне других. Одной из них была лавка «РВК» — единственный магазин на планете. Когда-то она была простым бараком, но потом койки заменили на прилавки, а на месте душевой устроили склад, который запирался на замок. Снаружи на стене висела маленькая черно-белая табличка, на которой были указаны часы работы. Ни витрин, ни рекламы для привлечения посетителей не было. В лавке предлагались только товары первой необ-

ходимости, причем с грабительскими наценками. «РВК» охотно продавала их в кредит, то есть в счет будущей зарплаты, — как всегда, под высокий процент. В результате клиенты проводили в забое еще больше времени, отработывая свои покупки.

Вторым нетипичным зданием была кантина — на фоне унылого однообразия колонии она выглядела как величественное олицетворение красоты и элегантности. Кантина стояла в нескольких сотнях метров за границей поселка, в стороне от серой массы бараков. Здание имело всего три этажа, но поскольку все остальные дома были одноэтажными, оно возвышалось над застройкой. Вообще-то, его совсем ни к чему было строить таким высоким. Собственно кантина занимала только первый этаж; остальные два были пусты: неймодианец Грошик — владелец и бармен заведения — воздвиг их чисто для показухи. На самом деле второго и третьего этажей не было, одни стены да купол из подкрашенного фиолетовым стеклом, подсвеченный изнутри. Такими же фиолетовыми лампочками были украшены бледно-голубые наружные стены. На любой планете все это смотрелось бы претенциозно и безвкусно, на фоне же серых бараков Апатроса — вдвойне. Грошик уверял, что разрисовал кантину как можно более пестро назло шишкам из «РВК». Шахтеры уважали его позицию, но Дес сомневался, что «РВК» обращает внимание на такие мелочи. Грошик был волен разукрашивать свою кантину как ему вздумается, лишь бы каждую неделю перечислял корпорации ее долю от прибыли.

Двадцатичасовой день на Апатросе делился пополам на две смены. Дес и остальные горняки из дневных бригад работали с восьми до восемнадцати; остальные — с восемнадцати до восьми. Чтобы добиться максимальной прибыли, Грошик открывал заведение в тринадцать и работал

непрерывно десять часов. Таким образом он мог обслужить и ночных рабочих до начала их смены, и дневных, когда те возвращались в поселок. Ровно в три Грошик закрывал кантину, два часа прибирался и шел отдыхать. Спал он шесть часов. В одиннадцать вставал, и все начиналось снова. Шахтеры знали его распорядок наизусть; неймодианец был точен, как восходы и закаты бледно-оранжевого солнца Апатроса.

Дес миновал поселок и направил стопы к приветливо открытой двери кантины. Он уже слышал доносившиеся изнутри звуки: громкую музыку, смех, голоса, звон стаканов. Время близилось к шестнадцати. Дневной смене оставалось трудиться два часа, но кантина все еще была переполнена ночными рабочими, которые зашли выпить и перекусить перед своей сменой в шахтах.

Дес не знал никого из них: горняки из дневной и ночной смен редко пересекались. Среди посетителей преобладали люди, но встречались и тви'леки, салластане и цереане. К своему удивлению, Дес увидел даже одного родианца. Очевидно, в ночной смене гораздо терпимее относились к другим расам. Никаких официанток, разносчиков и танцовщиц в кantine не было; весь персонал состоял из одного Грошика. Кто хотел выпить, тот должен был сам подойти к большой барной стойке у дальней стены и сделать заказ.

Туда-то Дес и направился сквозь толпу. Заметив его, Грошик нырнул за стойку и появился с большой кружкой гайзерского эля.

— Что-то ты сегодня рано, — обронил кантинщик, с громким стуком ставя кружку на прилавок. Из-за гула толпы слова было трудно разобрать. Голос у Грошика был низкий и скрипучий. Гортанный, как будто слова доносились из самой глубины глотки.

Неймодианец любил Деса, хотя тот сам не знал почему. Возможно, потому, что на его глазах парень вырос из мальчика во взрослого человека; возможно, он просто жалел Деса за то, что тому достался такой папаша. Как бы то ни было, между ними была негласная договоренность: Дес никогда не платил за выпивку, налитую без заказа. Молодой шахтер благодарно принял подарок, осушил кружку одним глотком и с размаху поставил на прилавок.

— Поцапался с Гердом, — бросил он, вытирая рот. — Откусил ему палец, и меня отправили домой.

Грошик наклонил голову и вперил в Деса свои огромные красные глазищи. Кислое выражение на его жабьем лице не изменилось, но тело слегка задрожало. Дес хорошо знал неймодианца и понял, что тот смеется.

— Думаю, справедливо, — прокаркал Грошик, снова наполняя кружку.

На этот раз Дес не стал выпивать ее в один присест. Грошик редко наливал ему больше одной за счет заведения, и он не желал злоупотреблять щедростью кантинщика.

Он переключил внимание на толпу. Гости из Республики сразу бросались в глаза. Четверо людей — двое мужчин, две женщины — плюс иторианец, все в новеньких, с иголки, флотских мундирах. Но выдавала их не только одежда. Все пятеро держались прямо, тогда как большинство шахтеров горбились, будто под вечным грузом на плечах.

Часть пространства у одной из стен главного зала была огорожена веревками. Это было единственное место в кантине, где хозяйничал не Грошик. Азартные игры на Апатросе были разрешены, но только под надзором «РВК». Официально — для того, чтобы никто не жульничал, но все знали, что на самом деле компания стремится контролировать ставки. Ей не хотелось, чтобы какой-нибудь

удачливый шахтер выиграл крупный куш и расплатился с долгами. Устанавливая низкий потолок, «РВК» гарантировала, что работать в рудниках будет выгоднее, чем играть.

В игровой зоне сидели еще четверо солдат в мундирах республиканского флота. Компанию им составляли около десятка шахтеров. Тви'лека с нашивкой старшины на лацкане играла в пазаак. За столом для сабакка сидел молоденький мичман, о чем-то громко рассказывая всем вокруг, хотя никто его не слушал. За тем же столом находились еще два офицера, оба люди — мужчина и женщина. Последняя была лейтенантом, а ее спутник, судя по нашивкам, носил звание капитана второго ранга. Дес предположил, что они-то и возглавляют экспедицию за кортозисом.

— Вижу, ты заметил наших вербовщиков, — пробормотал Грошик.

Война против ситхов — официально не более чем затянувшаяся серия боевых столкновений, хотя вся Галактика знала, что это война, — требовала постоянного притока молодых и рьяных рекрутов. И почему-то в Республике искренне считали, что жители Внешнего Кольца горят желанием отправиться на фронт. Всякий раз, когда на Апатросе останавливался республиканский военный корабль, офицеры пытались кого-нибудь завербовать. Они ставили выпивку и старались завязать разговор — обычно на тему того, как завидно и почетно быть солдатом. Бывало, расписывали злодеяния ситхов. В других случаях сыпали обещаниями, суля достойную жизнь в армии Республики. Держались дружелюбно, делали вид, что сочувствуют местным, надеясь, что кто-нибудь да запишется в воинские ряды.

Дес подозревал, что они получали бонусы за каждого рекрута, который попадал в их сети. Увы, на Апатросе им

мало что светило. Во Внешнем Кольце Республику не слишком любили; местные жители, Дес в том числе, знали, что Центральные миры нещадно эксплуатируют маленькие отдаленные планеты вроде Апатроса. Здесь, на краю цивилизованного пространства, были сильны антиреспубликанские настроения, которые ситхи использовали для своей выгоды. Это была одна из причин, почему их ряды ширились и крепили, пока тянулась война.

Все же, несмотря на недовольство политикой Центральных миров, кое-кто мог бы и записаться, если бы Республика не относилась так трепетно к соблюдению буквы закона. Тех, кто надеялся распрощаться с Апатросом и вырваться из тисков горнодобывающей корпорации, ждало жестокое разочарование: пускай рекрут и защищал Галактику от растущей угрозы ситхов, долги по-прежнему подлежали погашению. Если кто-то был должен денег зарегистрированной в Республике корпорации, флот Республики удерживал его жалованье до выплаты всех долгов. Мало кого из шахтеров прельщала перспектива отправиться на войну ради сомнительной привилегии служить за просто так.

Кое-кто из горняков негодовал из-за того, что старшие офицеры пытались заманить наивную молодежь в свою армию. Деса, однако, это не трогало. Он готов был выслушивать их разглагольствования всю ночь, лишь бы играли. Не слишком высокая цена за то, что он загребает их кредиты.

Его азарт, должно быть, бросался в глаза, — по крайней мере, Грошик обратил на это внимание.

— Ты, может, знал, что здесь республиканцы? И не для того ли затеял драку с Гердом, чтобы тебя выгнали до конца смены?

Дес покачал головой:

— Нет. Просто счастливое совпадение. С какой стороны они заходят на этот раз? С вящей славы Республики?

— Предупреждают нас об ужасах Братства Тьмы, — последовал взвешенно-нейтральный ответ. — Не слишком успешно.

В вопросах политики кантинщик держал свое мнение при себе. Его клиенты были вольны обсуждать любые темы, но, как бы ни накалялся градус дискуссии, неймодианец никогда не становился ни на чью сторону.

— Плохо для бизнеса, — как-то раз объяснил он. — согласишься с кем-нибудь, и он будет твоим лучшим другом до утра. Не согласишься — будет дуться несколько недель. — Неймодианцы славились своей деловой хваткой, и Грошик не был исключением.

Какой-то шахтер протолкался к стойке и потребовал выпивку. Когда Грошик ушел, чтобы налить тому кружку, Дес отвернулся и стал глазеть на игровую зону. Свободных мест за столом для сабакка не было, так что на время ему пришлось ограничиться ролью зрителя. Более часа он изучал игроков и их ставки, особое внимание уделяя старшим офицерам. Обычно они играли лучше рядовых — возможно, потому, что могли себе позволить больше проигрывать.

На Апатросе играли по измененным правилам беспинского стандарта. Основы игры были просты: требовалось набрать сумму очков как можно более близкую к двадцати трем, но не больше. В каждом раунде игрок мог либо остаться в игре, либо выйти. Игрок, решивший остаться, тянул карту, сбрасывал или клал в поле помех, чтобы зафиксировать ее номинал. В конце раунда любой игрок мог вскрыть карты, вынудив остальных сделать то же самое. Тот, у кого оказывался лучший расклад, выигрывал партию и сгребал все, что лежало на кону. Игрок, набравший больше двадцати трех или меньше минус двадцати трех, считался «разбомбленным» и платил штраф. Тот же, кто набирал ровно двадцать три очка — чистый

сабакк, — в награду получал и банк. Но так как номинал карт мог непредсказуемо меняться от раунда к раунду, а другие игроки могли преждевременно раскрыть карты, добиться этого было намного труднее, чем могло показаться.

Везение в сабакке решало далеко не все. Это была игра стратегии и стиля, здесь надо было знать, когда блефовать, а когда пасовать, уметь приспособливаться к постоянно меняющемуся раскладу. Некоторые слишком осторожничали, ставя по минимуму даже с хорошими картами на руках. Другие играли чересчур агрессивно, пытаясь запугать партнеров по столу безумными ставками, хотя на деле у них не было никаких реальных козырей. Игра показывала естественные наклонности игрока, и надо было только знать, на что смотреть.

Мичман, к примеру, был явным новичком. Когда ему выпадали слабые карты, он не пасовал, а продолжал играть. Он гнался за удачей, не удовлетворяясь раскладом, которого могло бы хватить для выигрыша партии. Все время стремился набрать идеальную комбинацию, надеясь выиграть по-крупному и взять банк, который продолжал расти. В результате раз за разом пролетал и был вынужден платить штраф. Он принадлежал к тем игрокам, у кого кредитов больше, чем мозгов. Деса это вполне устраивало.

Истинный мастер сабакка должен уметь управлять игрой. Спустя какие-то несколько раундов Дес понял, что республиканский капитан именно это и делает. Он знал, когда надо поднять ставки, чтобы заставить соперников преждевременно сложить выигрышные карты. Знал, когда ставить по чуть-чуть, чтобы вынудить их продолжать игру, хотя лучше было бы выйти. О собственных картах он не слишком волновался; он знал, что секрет игры в сабакк — разгадать, что на руках у других... и заставить

их думать, будто они знают, что́ на руках у тебя. И только когда карты раскрывались и капитан сгребал фишки к себе, соперники осознали, как они ошибались.

«Хорошо играет», — вынужден был признать Дес. Лучше, чем большинство республиканцев, которых сюда заносило. Внешне капитан казался человеком приятным и безобидным, но выигрыши загребал неумолимо. Однако у Деса было хорошее предчувствие; иногда он просто знал, что не проиграет. Сегодня он выиграет... и сорвет крупный куш.

Один из сидевших за столом шахтеров застонал.

— Еще один раунд, и банк был бы мой! — произнес он, качая головой. — Тебе повезло, что ты раскрыл карты именно сейчас, — добавил он, обращаясь к капитану.

Дес знал, что везение тут ни при чем. Шахтер был так возбужден, что прямо на месте усидеть не мог. Любой, у кого имелась хотя бы половина мозгов, видел, что карта ему идет. Капитан отреагировал — раскрыл карты и подрезал крылья мечтам соперника.

— Все, — в сердцах бросил шахтер, отодвигаясь от стола. — Я пустой.

— Похоже, твой шанс, — прошептал Грошик, проходя мимо с очередной кружкой. — Удачи.

«Удача мне сегодня не понадобится», — подумал Дес. Он переступил через веревку из наношелка и оказался в подконтрольном «РВК» игровом зале.

3

Дес проследовал к столу и кивнул дроиду-крупье Бета-4, тасовавшему колоду. «РВК» предпочитала верить карты автоматам, а не организмам: не надо платить зарплату, к тому же дроида никакой проходной не уломят на жульничество.

— Я играю, — объявил Дес, усаживаясь в пустое кресло.

Он оказался напротив мичмана. Тот аж присвистнул.

— Вот это детина, — громко провозгласил офицерик. — Сколько в тебе, метр девяносто? Девяносто пять?

— Ровно два, — не глядя, отозвался Дес. Он провел свою зарплатную карточку через встроенный в стол считыватель и набрал код. Плата за участие в игре была приплюсована к его долгу, и Бета-4 послушно передвинул к нему стопку фишек.

— Удачи, сэр, — произнес дроид.

Мичман сделал длинный глоток из кружки и снова окинул Деса оценивающим взглядом. Затем отрывисто хохотнул:

— Ого, в ваших краях здоровенные парни водятся. Ты точно не вуки, которого побрили для хохмы?

Несколько игроков засмеялись, но умолкли, завидя стиснутые челюсти Деса. От мичмана несло кореллианским элем. Тем самым, которого насосался Герд перед

дракой; с тех пор прошло каких-то несколько часов. Дес напряг мышцы и подался вперед. Офицерик нервно выдохнул.

— Ну-ну, сынок, — увещательно проговорил капитан, взяв ситуацию под контроль, как до этого игру. От него веяло спокойной и властной уверенностью, словно от главы семейства, пресекающего ссору домочадцев за обедом. — Это была просто шутка. Ты что, шуток не понимаешь?

Дес понимал, что это единственный игрок, которого реально стоило остерегаться. Он повернул голову и улыбнулся, чувствуя, как расслабляются мышцы:

— Понимаю, конечно. Сейчас вот шулки ради обчищу вас в сабакк.

Ненадолго воцарилось молчание, и вдруг все облегченно выдохнули. Капитан хмыкнул и улыбнулся в ответ:

— Что ж, ясно. Перекинемся в картишки.

Дес начал без спешки, играя осторожно и часто пасуя. Потолок ставок был низким; максимальная в каждом раунде не могла превышать ста кредитов. Обязательная первая ставка в пять кредитов да еще две на «комиссионный сбор» в начале каждого раунда, — с учетом всего этого даже сильные игроки едва покрывали свои расходы. Секрет был вот в чем: выигрывай ровно столько, чтобы оставаться в игре, и дожидайся своего шанса взять банк, растущий с каждым раундом.

Когда Дес начал игру, один из солдат сделал попытку разговорить его.

— Я обратил внимание, что большинство людей здесь стригутся наголо, — произнес он, кивнув в сторону толпы. — Для чего?

— Мы не стрижемся. Волосы выпадают сами, — ответил шахтер. — Из-за того, что мы проводим в забое слишком много времени.

— В забое? Не понимаю.

— Фильтры не удаляют из воздуха все загрязняющие вещества. Шахтер работает в забое день за днем, и эти вещества постепенно накапливаются в организме. — Дес говорил будничным тоном, без какой-либо горечи. Для него и других горняков это была просто суровая жизненная реальность. — Без побочных эффектов не обходится. Мы часто болеем, выпадают волосы. По идее, нам должны давать выходные, но с тех пор, как «РВК» заключила контракт с республиканскими военными, шахты работают без перерыва. По сути, мы постепенно травимся, чтобы вы завтра улетели с полным трюмом.

После этого разговор угас сам собой, и дальше они играли молча. Спустя полчаса Дес практически окупил свои расходы, но он еще только разогревался. Он подвинул на середину стола начальную ставку и комиссионные, то же самое сделали остальные семеро. Крупье сдал каждому по две карты, и началась новая партия. Первые два игрока заглянули в карты и сбросили их. Мичман посмотрел на свои и добавил на кон несколько фишек, чтобы продолжить игру. Деса это не удивило: офицерик редко пасовал, даже когда ему приходили одни пустышки.

Мичман быстро сунул карту в поле помех. При каждой раздаче игрок имел право положить туда одну из своих карт, зафиксировав номинал, записанный в ее чипе, на тот случай, если в конце раунда произойдет перемена.

Дес покачал головой. Фиксировать карты было глупостью. Зафиксированную карту нельзя сбросить; Дес не любил ограничивать круг своих возможностей. Мичман, однако, мыслил узко и не планировал наперед. Возможно, поэтому он уже успел просадить несколько сотен кредитов.

Посмотрев на свои карты, Дес решил продолжать. Все остальные вышли из игры, и остались только они с мичманом.

Бета-4 сдал по карте. Дес посмотрел на свою и увидел, что ему выпала выносливость — фигурная карта с номиналом минус восемь. Итого набиралось шесть очков — невероятно мало.

Самым разумным сейчас было бы выйти; если не случится перемены, ему конец. Но Дес знал, что перемена будет. Знал так же верно, как и то, где должен был оказаться палец Герда. Эти краткие прозрения случались нечасто, но Дес уже усвоил, что их надо слушаться. Он увеличил ставку. Мичман повторил ее.

Дроид передвинул фишки в центр стола, и маркер перед ним замигал разноцветными огнями. Синий означал, что перемены нет; все карты сохраняют номинал. Красный — перемена: маркер пошлет импульс, и одна электронная карта у каждого игрока случайным образом меняет номинал. Синий и красный огни мелькали все быстрее, пока не слились в фиолетовое пятно. Затем мельтешение стало замедляться, так что вновь можно было различить отдельные цвета: синий, красный, синий, красный, синий... красный, всё.

— Проклятье! — ругнулся мичман. — Они всегда меняются, когда у меня хороший расклад!

Дес знал, что это неправда. Шансы были пятьдесят на пятьдесят: перемена происходила случайным образом. Предсказать ее было невозможно... если не иметь дара, который порой помогал ему самому.

Карты, замерцав, перезагрузились, и Дес снова собрал их. Выносливость исчезла, вместо нее появилась семерка. Итого двадцать одно. Не чистый сабакк, но тоже ничего. Прежде чем успел начаться новый раунд, Дес открыл карты и выложил на стол.